

УДК 902; 94 (47)
DOI: 10.17223/19988613/58/9

Н.С. Цинцадзе

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1917 г.: ПОПЫТКИ РЕШЕНИЯ НА ТРАНЗИТЕ МЕЖДУ «ЦАРИЗМОМ» И «БОЛЬШЕВИЗМОМ»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10032).

На основе архивных и опубликованных источников впервые рассматриваются социоприродные проблемы природопользования в позднем аграрном обществе России в период февраля–октября 1917 г. Изучены экологические аспекты аграрной политики Временного правительства, а также их обсуждение в Главном земельном комитете и Лиге аграрных реформ. Делается вывод об осознании властью проблемы истощения природно-хозяйственных ресурсов страны, попытках их минимизации на фоне приоритетного решения вопросов продовольственного и иного снабжения армии и тыла. Отмечается значение нереализованных предложений и мероприятий Временного правительства в сфере рационализации хозяйствования, продолженных впоследствии советским правительством.

Ключевые слова: экологическая история; социоприродные проблемы; Временное правительство; Главный земельный комитет; Лига аграрных реформ.

История существования Временного правительства была непродолжительной, но полной исторических перипетий и нереализованных перспектив. Не вдаваясь в подробный историографический обзор, отметим лишь, что по традиции в отечественной исторической науке большое внимание уделялось внутренней, в особенности экономической, а также внешней политике Временного правительства. Советские историки фокусировались на проблеме крестьянских движений в 1917 г. и неудачах внутренней политики Временного правительства, в особенности аграрной. В их поле зрения находилась деятельность Главного земельного комитета и региональных земельных комитетов [1]. В постсоветский период интерес к аграрной политике Временного правительства заметно упал по сравнению с предшествовавшими десятилетиями.

Одним из современных обобщающих исследований является монография Н.Е. Хитриной, в которой отмечается неудавшийся опыт аграрной политики всех составов Временного правительства [2]. Причины неудачи, по мнению историка, были обусловлены отсутствием реальной коалиции политических сил внутри правительства, невниманием к сложившимся разнообразным формам землепользования на территории страны, бюрократической запутанностью в системе государственных органов, определявших аграрную политику России [Там же. С. 373].

Интересны и фактологически насыщены новейшие исследования деятельности региональных земельных комитетов [3–7]. При этом экологические сюжеты во внутренней политике Временного правительства специально не рассматривались ни в обобщающих, ни в региональных работах.

Цель нашего исследования – изучить экологические аспекты аграрной политики Временного правительства в области регулирования хозяйственного использования природных ресурсов. Наше исследование выполнено в русле сравнительно нового междисци-

плинарного научного направления – социоестественной (СЕИ), или экологической истории (Environmental History), в центре внимания которой находятся проблемы взаимодействия природы и человека [8].

Разумеется, экологической проблематики в современном нам понимании в качестве самостоятельного направления государственной политики тогда не существовало, однако выявленные нами отдельные экологические сюжеты в политике Временного правительства позволяют составить представление о восприятии властью проблем природопользования. Изученные тренды в указанной политике Временного правительства помогут определить преемственность в государственном регулировании социоприродных проблем позднего аграрного общества в конце XIX – первой трети XX в., а также потенциал и причины нереализованных предложений.

Интересующие нас социоприродные аспекты аграрной политики Временного правительства выявлены нами в результате анализа деятельности Министерства земледелия, а также подведомственного ему Главного земельного комитета (далее – ГЗК) и сочувствующей Лиги аграрных реформ (далее – ЛАР). Известно, что для подготовки основ земельной реформы 21 апреля 1917 г. был создан Главный земельный комитет во главе с экономистом прогрессистом А.С. Посниковым. Его заместителями являлись эсер С.Л. Маслов и энес В.И. Анисимов; членами комитета в разное время были кадеты Н.Н. Черненко и А. А. Кауфман, радикал-демократ Б.Д. Бруцкус, представители организационно-производственной группы экономистов-аграрников А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, А.Н. Минин, А.А. Рыбников, эсеры Н.Я. Быховский, Н.Д. Кондратьев, Н.И. Ракитников, член ЦК РКП(б) И.Т. Смилга, энес Н.П. Огановский и др. Состав ГЗК к каждой сессии расширялся, и в него входили представители различных государственных ведомств и общественных организаций. Такой широкий состав ГЗК давал надежду на

действительно всеобщее обсуждение основ аграрной реформы в стране. ГЗК планировал подготовить основы будущей аграрной реформы в первую очередь в сфере землепользования, позже – лесо-, водопользования и эксплуатации недр [9. С. 4–5].

В ГЗК преобладали эсеры. Его печатным органом были «Известия Главного земельного комитета» (редактор – эсер С.Л. Маслов). Всего состоялось четыре сессии ГЗК: 1-я – 19–20 мая; 2-я – 1–6 июля; 3-я – 25–29 августа; 4-я – 16–23 декабря. 19 декабря 1917 г. постановлением СНК РСФСР ГЗК был распущен.

Наряду с работой ГЗК активное содействие в разработке проекта аграрной реформы оказывала неофициальная, но авторитетная научно-общественная организация – межпартийная Лига аграрных реформ. В состав этого объединения вошли Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства, Всероссийский земский союз, ряд других местных обществ и научных учреждений. Идейный костяк ЛАР составляли видные экономисты-аграрники: Б.Д. Бруцкус, Н.П. Огановский, А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров и др. Присутствовавшие на учредительном съезде министр земледелия кадет А.И. Шингарев и его заместитель А.Г. Хрущев приветствовали создание этой межпартийной организации. Степень доверия и лояльности к данному сообществу демонстрирует то, что Временное правительство вынесло на обсуждение делегатов съезда ЛАР проект «Положения о земельных комитетах». Высказанные замечания были учтены правительством при подготовке окончательной редакции документа [2. С. 52–54].

ЛАР имела 52 филиала, созданных преимущественно в губернских городах. Состоялись три ее съезда: 16–18 апреля, 23–26 июня и в 21–23 ноября 1917 г. ЛАР идейно подпитывала деятельность ГЗК и Министерства земледелия. Ее состав практически совпадал с составом ГЗК, что создавало основу для их сотрудничества. Проправительственный характер деятельности ЛАР вполне очевиден. Так, по просьбе руководителя распорядительного комитета ЛАР А.В. Чаянова, адресованной в апреле 1917 г. заместителю министра земледелия А.Г. Хрущову, Министерство финансов в июне выделило субсидию в размере 10 тыс. руб. на содержание секретариата ЛАР [10. Л. 1, 4].

Источниками исследования послужили, во-первых, фонды Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Материалы о деятельности Министерства земледелия Временного правительства, ГЗК, Предпарламента и канцелярии министра земледелия содержат протоколы, отчеты, обзоры заседаний отделов и комиссий министерства, ГЗК, различные проекты, в которых отражаются интенции и направления мероприятий Временного правительства. В структурном отношении Министерство земледелия было разветвленным, состоявшим из департаментов, отделов, а также многочисленных комиссий и подкомиссий.

Во-вторых, содержательное обсуждение проблем природопользования мы выявили в опубликованных журналах заседаний Временного правительства [11], в-третьих, в официальном печатном издании – еже-

дневной газете «Вестник Временного правительства», выходившей вместо «Правительственного вестника» с 5 марта по 24 октября 1917 г. В ней публиковались обращения правительства, законы и законопроекты, распоряжения, дипломатические ноты, отчеты о заседаниях правительства, Государственного совещания, Временного совета Российской республики (Предпарламента) и др., освещалось положение в стране, события на фронтах Первой мировой войны и за границей.

В-четвертых, нами изучены выпуски журнала «Известия Главного земельного комитета», в которых освещалась деятельность Временного правительства, ГЗК, местных земельных комитетов, публиковались указы и постановления крестьянских собраний, съездов и организаций. Во многом эти материалы восполнили информационные пробелы о деятельности Министерства земледелия. В-пятых, определенную долю информации мы почерпнули из иных опубликованных материалов ГЗК, ЛАР, Государственного совещания и Демократического совещания [23, 24, 28, 30–32].

Изучив названные источники, мы выявили следующие эконожуеты в аграрной политике Временного правительства: проблемы землепользования и мелиорации, лесопользования, водопользования, развития скотоводства и животноводства, вопросы рыболовства. Фрагментарно были представлены вопросы переселенческой и колонизационной политики.

Проблемы землепользования и мелиорации включали как текущие вопросы организации сельскохозяйственных работ, так и перспективные – подготовку основ аграрной реформы. Так, указом Временного правительства от 11 марта 1917 г. на Министерство земледелия возлагалась задача обеспечения семенами крестьянских хозяйств [12. С. 1]. Распорядительным комитетом железнодорожных перевозок ввиду близости начала полевых работ 14 марта была установлена внеочередность перевозок удобрительных туков [13. С. 2].

На заседании Временного правительства 5 апреля министр земледелия А.И. Шингарев озвучил решение о передаче крестьянам 108 тыс. пудов семян клевера, предназначавшихся для вывоза в Данию. Эта мера, как пояснил министр, была вызвана «настоятельной нуждой» России в росте площади кормовых трав. Дании за несвоевременную поставку семян клевера была обещана компенсация от правительства [14. С. 234, 263]. Этому предшествовало решение о реквизиции семян красного клевера, предназначавшихся для вывоза в Данию, в обмен на семена турнепса, поставленные датским Министерством земледелия [15. Л. 1–6 об., 12–15].

Временное правительство существенное внимание уделяло рационализации сельского хозяйства, сохранению и поддержанию начатых в царское время агрокультурных мер. На заседании 16 июня 1917 г. было решено создать с 1 июля Сельскохозяйственный ученый комитет и его особые научно-опытные и специальные отделы [16. С. 20, 23–26]. Особое внимание в их работе уделялось развитию опытного дела, сельскохозяйственного образования, научных основ ведения сельского хозяйства в стране [17. С. 1–2].

1 июля министр земледелия эсер В.М. Чернов написал обращение к населению с призывом не громить

и не расхищать так называемые культурные хозяйства, которыми «Россия чрезвычайно бедна». Подобные действия влекли бы ущерб всему народному хозяйству страны и препятствовали проведению земельной реформы. Он объявил о том, что культурные хозяйства, составляя «ценное достояние всего народа», находились на учете у Временного правительства, которое ставило цель сохранить их в целостности до созыва Учредительного собрания [18. С. 1–2].

В обращении заместителя министра земледелия Н.И. Ракитникова к волостным комитетам сообщалось о необходимости широкого знакомства крестьян с работами сельскохозяйственных опытных учреждений, достижениями агрономической науки с тем, чтобы полученные крестьянами в результате готовившейся аграрной реформы земельные участки можно было эффективно возделывать, поднять общую производительность сельского хозяйства. Н.И. Ракитников призывал волостные комитеты также всячески оберегать опытные поля от крестьянских разгромов [Там же. С. 2].

По поручению Министерства земледелия в связи с готовившейся земельной реформой на заседании Комиссии по организации мелиоративного дела 4 августа рассматривался проект мелиоративных работ. В работе приняли участие В.В. Никитин, Н.М. Тулайков, И.И. Москвитин. Члены Комиссии считали, что важной задачей государства являлось «коренное улучшение земель... проводимое в широком масштабе». При этом мелиорируемые земли не должны были поступать в разверстку крестьянам, а составляли бы запасной фонд. Имевшиеся участки частных земель, на которых были проведены значительные мелиоративные мероприятия, должны следовало взять под государственный контроль, а земельные комитеты перед их использованием должны были быть проинструктированы в целях бережного к ним отношения. К тому же необходимо было решить вопросы организации мелиоративного кредита, подготовки специалистов, устройства опытных полей и станций по мелиоративному делу, продумать конкретные меры землеустройства и мелиорации в небольших хозяйствах [19. Л. 10–12].

Мелиоративной комиссией рассматривался вопрос организации сбора данных для подготовки программы мелиоративных работ. Отмечалось, что решение аграрного вопроса лежало не в количественном наделении крестьян землей, а в качественном улучшении землепользования. «Прочное обеспечение народного благосостояния» могло быть достигнуто лишь «подъемом производительности хозяйства при помощи целого ряда культурных мер» – агрономических, мелиоративных, улучшением техники обработки почвы, организацией переработки сельскохозяйственной продукции. Площадь земель, которые после мелиорации могли быть обращены в поля, сенокосы и пастбища, в Европейской России составляла 30 млн дес. (за исключением тундр, болот, недоступных мест Севера). Еще больше земель могло быть вовлечено в хозяйственный оборот в Сибири, Туркестане, на Кавказе (около 17 млн дес.). Много удобных земель черноземных, южных, юго-восточных и северо-западных губерний нуждалось в мелиорации. Подготовка единой программы мелиора-

тивных мероприятий требовала проведения исследований территории страны, так как имевшиеся сведения были разрозненными и неполными. Предполагались сбор сведений с мест, обобщение региональных мелиоративных планов. По подсчетам составителей плана, общее финансирование этих мероприятий только на пять месяцев 1917 г. составило бы 2 млн руб. Итоговые сведения ожидалось получить к 1 января 1918 г. [19. Л. 16–27, 31, 33–34].

Департамент земледелия Министерства земледелия в связи с готовившейся аграрной реформой планировал создать новую почвенную карту европейской и азиатской частей России. Подготовленная в 1900 г. Н.М. Сибирцевым, Г.И. Танфильевым и А.Р. Ферхминым почвенная карта страны устарела. В 1915 г. составление новой почвенной карты началось под руководством П.С. Коссовича, заведующего Бюро по земледелию и почвоведению Ученого комитета Министерства земледелия. Однако после его смерти эта работа приостановилась и позже была продолжена почвоведом К.Д. Глинкой. Согласно его плану, на составление единой почвенной карты России требовалось не менее двух лет. Стоимость работ составила бы около 100 тыс. руб., из которых 50 тыс. руб. требовалось на первый подготовительный период 1917–1918 гг. Не располагая финансами, Департамент земледелия реализацию этого проекта отложил [20. Л. 1–2].

Проблемы мелиорации вновь обсуждались 25–26 августа в Петрограде на Всероссийском съезде деятелей агрономической помощи и сельского хозяйства. Председателем съезда был А.И. Угримов, его заместителем – Н.В. Чайковский, членами оргкомитета являлись В.Э. Брунст, В.В. Морачевский, А.С. Ершов. Работа оргкомитета была организована при Департаменте земледелия Министерства земледелия. На заседаниях оргкомитета съезда было принято решение о созыве в период 7–17 января 1918 г. в Москве очередного съезда с целью разработки комплексной программы основ аграрной реформы в части планирования единых агрокультурных мероприятий правительства, земств, общественных учреждений и организаций. Была подготовлена и предварительная программа работы съезда. Для ее разработки двумя месяцами ранее в Москве, Петрограде и Саратове были созваны предварительные совещания и съезды по отдельным отраслям сельского хозяйства [21. Л. 213–217 об.].

С необходимостью широкой мелиорации земель соглашались лидеры ГЗК. А.С. Посников на состоявшейся 19–20 мая I сессии ГЗК солидаризировался с мнением присутствовавшего министра земледелия В.М. Чернова о том, что прирезка земли крестьянам не решит аграрную проблему. В стране помимо возделываемого фонда земель был фонд неудобной, «абсолютно» непригодной для земледелия земли, которую можно было бы улучшить и вовлечь в хозяйственный оборот. А.С. Посников удерживал ГЗК от раздачи крестьянам «несбыточных обещаний» значительно расширить их землепользование. Важной задачей ГЗК А.С. Посников называл предупреждение и сдерживание самоуправления крестьян на местах, пресечение начавшихся силовых захватов земель [22. С. 5–11].

Член Совета ГЗК трудовик М.Е. Березин отмечал скептическое отношение крестьян к идее созыва Всероссийского Учредительного собрания – имелся неудачный опыт работы Государственной Думы. Он рекомендовал Временному правительству издать акт, который «категорически и ясно решил бы этот вопрос», закрепив недопустимость самовольных захватов земли. Отсутствие такой декларации, неопределенность ситуации влекли стремление крестьян решить аграрный вопрос по-своему, что порождало проблемы в работе земельных комитетов [22. С. 15–16]. Другой член Совета ГЗК, эсер Н.Я. Быховский, возражал и говорил о том, что размах крестьянского движения был невелик, самозахватов было немного, крестьянство было «далеко от вандализма и стихийных эксцессов», сдерживало тех, кто к этому стремился. При этом значение помещичьих культурных хозяйств крестьяне осознавали (были примеры в Киевской, Тульской, Воронежской губерниях). Он тоже призывал правительство издать декларацию по земельному вопросу, в которой объявлялось бы, что вся земля будет принадлежать народу. Это должно было успокоить и фронт, и тыл [22. С. 16–17].

В речи А.С. Посникова, открывшей 1 июля работу II сессии ГЗК, звучала мысль о стремлении ГЗК подготовить основы аграрной реформы, которая учитывала бы местные особенности, ведь Россия богата и разнообразна климатическими и почвенными условиями [23. С. 1–3]. Такой подход разделял и министр В.М. Чернов, всячески благоволивший ГЗК [23. С. 5–9]. Помимо общих принципов реформы, норм земельного обеспечения крестьян, финансовых условий отчуждения земель ГЗК на III сессии большое внимание уделил технической стороне будущей реформы – выяснению размера, состава и распределения земельного фонда страны [24. С. 3]. Для этого требовались проведение картографическо-учетных работ и обмер площади земель.

Примечательны отдельные мнения делегатов II сессии ГЗК. Так, крестьянин Нижегородской губернии Я.А. Пилецкий заявил, что «крестьяне устали ждать и требуют новой жизни». Без принятия временного аграрного закона крестьяне «не ручались за спокойное поведение аграрного вопроса до Учредительного собрания». От принятия ГЗК «огоульных и решительных резолюций» по аграрному вопросу в виде временного закона, который связал бы руки Учредительному собранию, удерживал А.А. Кауфман. Крестьянин Пензенской губернии П.А. Трушин возражал и говорил о том, что требование законодательного урегулирования земельных споров – это не пожелание крестьян, а «крик деревни». «У нас условия таковы, что нельзя ждать», – вторил представитель Курской губернии Н.И. Дорошев [23. С. 14–15]. Прислушаться к «голосу народного рассудка», выработать и принять справедливый закон о регулировании земельных отношений, успокоить крестьянство призывал Н.И. Огановский [Там же. С. 23]. Представитель от Нижегородской губернии К.И. Цыпленков говорил о том, что при отсутствии новых законов вся губерния вынуждена была руководствоваться аграрными постановлениями Всероссийского Совета крестьянских депутатов [Там же. С. 25].

В постановлениях II сессии ГЗК закреплялась необходимость передачи в ведение местных комитетов всех земель сельскохозяйственного назначения, лесов, вод местного значения. Земельные комитеты должны были устанавливать и регулировать правила их хозяйственного использования [18. С. 11–12]. Это предложение было подхвачено ГЗК от I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, принявшего 25 мая соответствующее постановление по аграрному вопросу [23. С. 142].

Такое крестьянское пожелание было оформлено властью 12 июля: оно закрепило правило о том, чтобы до созыва Учредительного собрания все сделки с землей и лесными угодьями осуществлялись с разрешения губернских земельных комитетов и утверждались министром земледелия [25. С. 1]. ГЗК в целом приветствовал этот закон, ограничивший частно-правовой оборот, называя его «предтечей грядущей земельной реформы» [9. С. 20].

Позже в циркуляре Управляющего Министерством внутренних дел И.Г. Церетели от 17 июля 1917 г. подчеркивалась недопустимость самочинного решения земельного вопроса на местах, рубок чужих лесов, запашек чужих сенокосов и пр. Это, как он выразился, «грозило неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства... голодом и продовольственным истощением». Любые самоуправные действия должны были караться по всей строгости закона [18. С. 4–5].

Однако ситуация на местах не поддавалась контролю власти. Совет ГЗК в преддверии работы III сессии ГЗК обращал внимание А.Ф. Керенского на сложные условия деятельности земельных комитетов, которые «ставят в самой острой форме вопрос о возможности каких-либо положительных результатов». Совет имел в виду «стихийные стремления населения к удовлетворению острой земельной нужды»: в Пензенской, Курской, Казанской и других губерниях в течение лета крестьяне запахивали владельческие поля, скашивали частные покосы и пр. Местные органы власти были не в состоянии противостоять этим действиям. Как отмечали члены Совета ГЗК, повсюду земельные отношения находились в «хаотическом состоянии». Они упрекали Временное правительство в нерешительности в деле упорядочивания возникших земельных отношений [26. С. 4–5].

Представители земельных комитетов на Демократическом совещании в Москве, проходившем 14–22 сентября, вновь заявили о необходимости до созыва Учредительного собрания передать земли сельскохозяйственного назначения, воды и леса местного значения в ведение земельных комитетов. Они настаивали на «немедленном издании временных земельных законов» в редакции ГЗК и усилении государственных полномочий земельных комитетов [27. С. 11].

В отношении культурных имений, питомников, рассадников и других образцовых хозяйств земельные комитеты осуществляли надзор и охрану, брали их в свое полное заведование. Наряду с этим земельные комитеты боролись с захватами земель и иных угодий, недосевами и др. [Там же. С. 12]. Член ГЗК и ЛАР

Н.Я. Быховский говорил о том, что культурные хозяйства, особо ценные лесные участки должны были образовать общегосударственный фонд, взяты на государственный контроль и не подлежать распределению среди крестьян. В процессе организации территории для будущей аграрной реформы важно было «приспособить» для нужд сельского хозяйства неудобные земли, проведя их мелиорацию. Малоземельные крестьяне подлежали переселению в многоземельные области страны [28. С. 11–13, 20–21]. О важности государственной мелиорации земель, проведения гидротехнических работ писал его коллега П.Н. Першин, который также считал необходимым сопровождать прирезку земли крестьянам рационализацией их хозяйств [28. С. 38]. С утверждением о том, что аграрная реформа должна повысить производительность сельского хозяйства, устранить чересполосицу и дальнотелье, соглашались многие члены Комиссии ГЗК о перераспределении земельного фонда: Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев, Н.П. Огановский, С.Л. Маслов и др. [Там же. С. 44–52].

На заседании комиссии 20 октября А.Н. Челинцев говорил о возможной экстенсификации хозяйств крестьян, остерегал от расширения их площади, указывая, что оно «должно было парализоваться большей просвещенностью крестьянина и более усовершенствованными методами ведения хозяйства, а кроме того, и новой государственной сельскохозяйственной политикой» [29. Л. 16].

Идею об интенсификации сельского хозяйства развивали и члены ЛАР: на II Всероссийском съезде ЛАР Н.П. Огановский указал на необходимость «выработки и проведения в жизнь стройного плана земельной реформы, связанного с обширными работами по землеустройству, мелиорации и расселению крестьянских масс» [30. С. 11]. Такой план диктовался малоземельем и чересполосицей, на которые обратил внимание А.В. Чайнов на III съезде ЛАР [31. С. 4]. На перераспределение земельного фонда между крестьянами Н.П. Огановский закладывал два года, а на землеустроительные работы – два десятилетия. С ним соглашались Б.Д. Бруцкус, З.С. Каценеленбаум [30. С. 12, 31, 38, 41].

Проблемы лесопользования наряду с землепользованием являлись одними из острых вопросов проектируемой аграрной реформы. Главными вопросами были регулирование рубки лесов и обеспечение нужд армии и обороны лесными материалами.

О бесконтрольном уничтожении лесов Нижегородской губернии сообщал делегат II сессии ГЗК К.И. Цыпленков. Он указывал на родственника губернского комиссара, который рубил лес и заявлял: «Куй железо, пока горячо. С какой стати я не буду рубить лес, когда потом я за него ничего не получу, потому что вопрос предreshен Всероссийским съездом крестьянских депутатов». Леса активно перепродавались по фиктивным сделкам и хищнически истреблялись помещиками. В свою очередь, крестьяне запрещали истребление лесов, доверяя земельным комитетам регулировать лесопользование [23. С. 25–26]. По сообщению И.С. Кудрявцева, делегата от Новгородской губернии, много лесов рубили новгородские лесопромышленники. Крестьяне

вблизи своих сел рубить лес не давали, заявляя, что он им пригодится и что лес лучше рубить вблизи речных сплавов [Там же. С. 28].

Аналогичная картина наблюдалась в Костромской губернии: например, крестьяне Чухломского уезда протестовали против хищнической рубки леса помещиками на продажу и даже против лесных заготовок на оборону. Как отмечал представитель Костромской губернии С.И. Барыков, такие жалобы и протесты крестьян губернский земельный комитет признавал справедливыми, ведь крестьяне исходили из того, что лес надо охранять и нельзя его так беспощадно вырубать [Там же. С. 30].

19 апреля министр земледелия А.И. Шингарев поднял вопрос об упорядочении бесконтрольной рубки лесов в целях их сохранения от истребления. На общем заседании членов Временного правительства было решено поручить ему подготовить проект положения о введении специальных комитетов на местах для выдачи разрешений на рубку леса [14. С. 322]. 9 августа обсуждение разработанного Министерством земледелия проекта правил об охране лесов и их рубке решено было отложить [16. С. 273–274]. В Москве готовилось открытие Государственного совещания, что не позволило обсудить этот проект по существу.

Министр продовольствия С.Н. Прокопович, выступая на Государственном совещании, заявил о том, что законопроект об охране лесов содержал положение о передаче рубки леса для заготовки топлива в ведение Особого совещания по топливу, а регулирование лесов местного значения для удовлетворения крестьянских потребностей в лесных материалах – земельным комитетам. Таким образом, как считал С.Н. Прокопович, подготовленный законопроект учитывал общегосударственные и общественные интересы, так как был направлен и на сохранение лесных богатств, защиту лесов от расхищения, и на обеспечение нужд населения в лесе [32. С. 27].

Ранее, 1 и 4 августа, на заседаниях Лесной комиссии Министерства земледелия Д.И. Товстолес отметил, что для обеспечения целей и задач лесного хозяйства наилучшей формой его владения будет государственная, установленная после проведения национализации лесов. Именно национализация, по его убеждению, придавала бы устойчивость лесному хозяйству, обеспечила централизацию его управления, равномерное распределение лесных материалов по территории страны, эффективное лесоустройство. Д.В. Соммерс допускал переход лесов в земельный фонд для нужд пашенного хозяйства при условии соблюдения общегосударственных и общенародных интересов с опорой на данные статистики о площади подобных лесов, которые могли быть конвертированы в иные виды угодий, действительных потребностях населения, государства и промышленности в лесных материалах [33. Л. 9–11].

Проблемы лесопользования активно обсуждались и решались в земельных комитетах. На заседании Совета ГЗК I сессии обсуждался вопрос об охране лесов и их рубке, в результате чего были разработаны правила для внесения их на рассмотрение Временного правительства. Закреплялось, что надзор за сохранением и

правильным использованием лесов возлагался на земельные комитеты совместно с представителями лесоохранительных комитетов, Особого совещания по топливу и др. Уездные земельные комитеты санкционировали рубку леса в допустимых объемах, пресекали самочинные действия в лесах [22. С. 27].

На местах осознавали важность охраны от несанкционированного и бесхозяйственного использования не только земли, но лесов. Так, постановлениями Елецкого уездного земельного комитета от 2–3 июня помимо прочих его прав закреплялись полномочия по сохранению посевов, лугов, молодой лесной поросли от погубы скотом, наблюдению за правильной рубкой леса. Она разрешалась в объемах, установленных лесоохранительным комитетом. В экстренных случаях допускалась рубка леса сверх установленной нормы, но пропорционально площади леса по волостям [Там же. С. 21–22].

Земельные комитеты всячески сдерживали стремление населения к бесконтрольной рубке леса, пресекая и преследуя отдельные виды аграрных беспорядков: неправильное ведение лесного хозяйства и ненормальное пользование лесными угодьями. Они вводили запреты на повышенные лимиты рубки лесов, утверждали сделки по продаже казенных и частных лесов, наблюдали за правильностью рубки лесов, в том числе по ходатайствам крестьян, охраняли леса от повреждений, боролись с лесными пожарами. Несмотря на циркуляр Временного правительства от 19 апреля, разрешавший пастбу скота в казенных лесах бесплатно или за небольшую плату, Суздальский уездный земельный комитет запретил пастбу скота в лесных зарослях. Одновременно земельные комитеты содействовали в заготовке топлива для нужд промышленности и железных дорог [9. С. 23–24].

На II сессии ГЗК представитель Ярославской губернии И.П. Матвеев заявил о необходимости разграничения компетенций земельных комитетов и комитетов по топливу, так как между ними возникали разногласия о нормах лесозаготовок для нужд армии и промышленности, которые не учитывали лесистость региона и часто назначались наобум. Крестьяне не желали рубить леса в большом количестве и требовали принять закон об охране леса. Важно было четко определить деятельность лесоохранительных комитетов, которые «как будто бы и существуют, и как будто бы и нет» [23. С. 76–78]. В этом его поддержал представитель соседней Владимирской губернии М.П. Григорьев [Там же. С. 125].

10 августа председатель ГЗК А.С. Посников издал распоряжение № 209, адресованное губернским земельным комитетам, о недопустимости чинить препятствия в заготовке и вывозке дров. В своем стремлении к охране лесов земельные комитеты «совершенно приостановили производство заготовки дров, издавая распоряжения о воспрещении рубки лесов, препятствуя вывозу дров», что «ставило в угрожающее положение нашу промышленность и железные дороги». ГЗК предписывал не только не препятствовать заготовке топлива на местах, но и всячески содействовать ей, удовлетворяя запросы по топливу железных дорог, всех

предприятий и учреждений, работавших на государственную оборону. «Государственные интересы должны стоять на первом плане, и местные интересы необходимо подчинить интересам общегосударственным», – заявлял председатель ГЗК [26. С. 1–2].

На III сессии ГЗК в августе 1917 г. поднимался вопрос о лесах: члены совета ГЗК планировали выяснить мнение местных земельных комитетов о порядке эксплуатации лесов, об объемах нуждаемости в лесных материалах и возможности выделения лесных участков под расчистку [24. С. 4, 14]. По итогам работы совещания представителей губернских комитетов в Москве 16–17 сентября была разработана инструкция по применению «Временных правил об охране и рубке лесов» [9. С. 3].

24 августа состоялось первое заседание Лесной комиссии ГЗК под председательством экономиста А.А. Рыбникова. Член комиссии Н.И. Фалеев озвучил план развития лесного хозяйства, который предполагалось начать осуществлять с 1 января 1918 г. Он включал создание Главного лесного комитета и лесных комитетов в губерниях и уездах. Лесные комитеты совместно с земельными комитетами должны были составлять сметы «удовлетворения потребностей на древесину». Кроме того, планировалась создать Советы лесничеств и Лесные советы для научно-профессионального руководства лесной отраслью. На втором заседании, состоявшемся 7 сентября, были заслушаны доклады ряда членов комиссии о государственных лесах [27. С. 10].

В октябре ГЗК разработал Инструкцию уездным земельным комитетам об охране и эксплуатации лесов. В ней предписывалось запрещать в пределах уезда хищническую вырубку леса. Уездные земельные комитеты могли приостанавливать по своему усмотрению опустошительные и выборочные рубки леса. Запрещались рубка защитных лесов, признанных таковыми лесоохранительными комитетами, вырубка, снос, распашка молодняка и пастба скота по молодняку (молодняком признавался лес, не достигшей высоты 4 аршина). Не допускалось обращать лесные вырубки в другой вид угодий без разрешения лесоохранительных комитетов [34. Л. 1–1 об.].

В ответ на повторяющиеся требования крестьян о приостановлении или прекращении хищнического истребления лесов ГЗК и губернские земельные комитеты обратились к гражданам с воззванием, в котором говорилось, что условия войны вызвали усиленную рубку леса для нужд армии. При этом подчеркивалась значимость леса в развитии страны, укреплении песков и оврагов. Население уверялось в том, что вырубки леса проводились под контролем лесоохранительных и земельных комитетов, которые следили, чтобы они не переросли в опустошительные. «Верьте, граждане, что все совершается сейчас под контролем общественных органов, делается во имя блага народа и с соблюдением его прав и интересов», – этими словами завершалось воззвание [34. Л. 4–4 об.].

ГЗК на основе поступавших сведений от Штаба Верховного главнокомандующего о воспрепятствовании рядом волостных земельных комитетов заготовке лесных материалов для армии издал 18 октября 1917 г.

циркуляр № 239 губернским земельным комитетам о недопущении подобных действий на местах. Вновь повторялись положения циркуляра от 10 августа № 209, которым необходимо было следовать [34. Л. 5–5 об.].

Тогда же ГЗК разработал Наставление земельным комитетам по применению «Правил об охране лесов и их рубке». По сути, оно было основой лесоохранительного закона. Согласно этому документу все казенные леса изымались из ведения земельных комитетов, учреждался лесной надзор, в состав которого входили представители земельных комитетов из опытных лесоводов, лесничих и иных лесных специалистов, назначаемых при содействии Всероссийского союза лесоводов. Лесной надзор имел широкие полномочия при осмотре лесов, наблюдении за рубкой, заготовкой и вывозкой лесного материала, пресечении незаконных рубок [Там же. Л. 6–13].

Данные правила в виде отдельного «Положения об охране лесов и их рубке» были вынесены на повестку заседания Земельной комиссии Предпарламента 23 октября под председательством Н.Я. Быховского [35. Л. 28]. Правда, по существу этот документ комиссия так и не рассмотрела.

Участники II Всероссийского съезда ЛАР в июне 1917 г. высказались за национализацию лесов и передачу их в преимущественно кооперативное или земское пользование [30. С. 38].

Проблемы водопользования лишь изредка обсуждались Временным правительством. В продолжение работ, начавшихся еще в царский период, по использованию водной энергии р. Малая Иматра (Положение утверждено Советом министров от 23 декабря 1916 г.) 25 июля правительство издало постановление о распространении аналогичных мероприятий на р. Волхов и об улучшении судоходства по ней. На данные мероприятия из казны выделялось 32 млн руб. [36. С. 2].

9 сентября на заседании Комиссии Министерства земледелия по организации водного хозяйства обсуждался доклад профессора В.Г. Глушкова об учете и регулировании водных запасов страны. По его мнению, воды России представляли собой «национальное имущество громадной ценности и первостепенного значения для жизни и хозяйства населения». Они должны были находиться в публичной собственности. Комиссия дополнила рассуждения ученого выводами о важности составления водного кадастра, проведении единовременных обследований водных ресурсов и в дальнейшем постоянных наблюдений за их свойствами. Для государственных и общественных нужд водопользования необходимо было осуществлять мероприятия по сбережению и улучшению водных запасов, водного режима. Отдельного внимания заслуживали вопросы законодательного урегулирования водопользования и водосбережения, в том числе в связи с охраной лесов в верховьях и по берегам рек [33. Л. 12–12 об.].

На одном из заседаний комиссии видный специалист по водному праву Д.С. Флексор выступил с докладом о важности общего водного законодательства, которое бы охраняло воды от «хищнической их растраты», регулировало бы борьбу с оврагами. Большое значение юрист придавал популяризации идей береж-

ного отношения к водным источникам, практике подготовки кадров специалистов водного хозяйства и др. [9. С. 17–18].

ГЗК также предлагал поставить на обсуждение вопрос водопользования в стране. Планировалось на основе местных данных подготовить общероссийский проект правил водопользования [24. С. 4–5]. Первое заседание Комиссии о водах под председательством А.А. Леонтьева состоялось лишь 9 октября. Член этой комиссии Д.С. Флексор настаивал на государственной собственности на водные запасы страны, необходимости введения запретов на распашку склонов рек, балок и оврагов, рубку и корчевку лесов, пастбу скота на склонах рек, создании водных товариществ для осуществления мероприятий в области водного хозяйства, специального регламентирования использования вод для мелиорации и рыбного хозяйства, привлечения виновных в нарушении правил водопользования к законной ответственности [9. С. 14].

Вопросы развития скотоводства и животноводства в связи с рационализацией сельского хозяйства лишь изредка попадали в поле зрения власти. Так, согласно постановлению от 16 июня 1917 г. о сохранении племенного скота от убоя вводились регистрация и клеймение скота, меры предотвращения его заболеваний [37. С. 1]. 27 июня был создан Отдел животноводства при Министерстве земледелия [38. С. 1]. В июле 1917 г. он подготовил проект постановления Временного правительства о продолжении начатых работ по регистрации и клеймению племенного скота в пределах Европейской России, контролю и наблюдению за этим местными продовольственными комитетами, возмездной реквизиции племенного скота у частных владельцев «для общегосударственных племенных целей», запрете сгона племенного скота на приемочные пункты в целях предотвращения его заболевания [39. Л. 1–2].

Вопросы рыболовства в условиях военнореволюционного времени приобрели особую актуальность. В области рыболовства Временное правительство шло на поводу требований с мест, легализовывая их явно незаконные действия по истощению рыбных запасов страны, обосновывая это продовольственными затруднениями. Интересен отчет Отдела рыболовства и охоты Министерства земледелия за период с 1 марта по 25 октября 1917 г., подготовленный по запросу А.Ф. Керенского, который в преддверии созыва Учредительного собрания готовил итоговый отчет о работе правительства. Составители отчета отмечали, что Временное правительство «в целях облегчения народного продовольствия и ввиду общего ослабления рыбного промысла призывом в армию наиболее работоспособных элементов населения» распоряжением от 8 марта 1917 г. разрешило рыболовство «без ограничения запретным временем» в бассейне р. Волги и ее притоков выше г. Саратова «впредь до изменения правил». Распоряжением от 10 марта того же года то же было сделано в отношении низовья р. Амура, Аральского моря, рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

Снятие запретных периодов и мер рыболовства (размеры ячей в сетях), ставших изъятием из ранее установленных правил, объяснялось поздним началом

весны, ослаблением интенсивности рыбного промысла, невозможностью использования специального рыболовного орудия. Было определено право министра земледелия издавать предписания и распоряжения по этому поводу, так как правительство не могло пересмотреть существовавшее законодательство, но лишь вводить временные отступления, которые фактически узаконивали самочинные действия на местах. Этим, с прискорбием отмечали чиновники ведомства, «принципу законности в рыбном промысле... был нанесен первый и, может быть, самый тяжелый удар, за которым уже и последовали другие». Постановлениями Временного правительства от 12 марта и 25 апреля в Каспийском море был сокращен запретный для лова рыбы период, разрешен лов рыбы неводами, ставными частиковыми сетями. 15 мая было утверждено постановление об отмене на 1917 г. запретного для лова рыбы пространства в проливе Каспийского моря между островом Сара и Куринской косой, о разрешении лова сельди неводами по всему западному берегу Каспийского моря до окончания ее хода без ограничения расстояния между тонями, о продлении весеннего лова на месяц, а в некоторых участках – на 15 дней, и разрешении рыболовства в море ставными сетями в течение года.

По просьбе Астраханского губернского исполнительного комитета 1 апреля 1917 г. Временное правительство утвердило постановление о временном продлении весеннего лова рыбы в Волжско-Каспийском бассейне на 10 дней и разрешении лова сетями в Волжском бакенном пространстве. 3 апреля последовало постановление о разрешении продажи рыболовных орудий, конфискованных при обнаружении нарушений рыболовных правил, хозяйственным способом (без торгов) ловцам и ловецким кооперативам.

По просьбе Аральского временного исполнительного комитета распоряжением министра земледелия от 11 апреля было продлено рыболовство в Аральском море до 1 мая. По ходатайству комиссара Терской области постановлением от 14 мая было разрешено продовольственное рыболовство в Каспийском море в запретное для лова рыбы время расположенным в Терской области военным служащим. 19 июля было расширено ранее запретное для рыболовства Волжское бакенное пространство перед устьем р. Волги.

Параллельно с санкционированием нарушений местным населением ранее принятых законов Временное правительство инициировало работу по подготовке реформы рыболовного хозяйства с целью рассмотрения ее основ Учредительным собранием. Временное правительство планировало обсудить вопросы рыболовства совместно с земельными комитетами, которым планировало передать функции контроля за ловом рыбы на местах. Для этого в начале мая Министерство земледелия с подачи ГЗК внесло на рассмотрение правительства проект возложения на земельные комитеты вопросов рыболовства. Однако в начале августа по настоянию «делегатов от астраханских организаций» проект был отклонен, «чем рыболовное хозяйство было поставлено в чрезвычайно трудное положение, близкое к полной анархии». Тогда, чтобы хоть как-то поддержать расшатанное рыболовное хозяйство

Волжско-Каспийского бассейна, Министерство земледелия с одобрения ГЗК 14 октября внесло проект о временной передаче Астраханскому губернскому земельному комитету на общем основании с земельными делами также и дела местного рыболовства. Данное представление к моменту составления отчета одобрения не получило. Подобного же разрешения не получил проект, предусматривавший распространить постановление Временного правительства от 12 июля об ограничении сделок с земельными угодьями и на сделки с рыболовными угодьями [40. Л. 3–10, 19–21].

Все эти меры свидетельствовали об игнорировании Временным правительством рекомендаций ученой общественности о недопустимости сокращения, а тем более полной отмены запретного периода лова рыбы в Волжско-Каспийском водном бассейне. Комиссия по изучению естественных производительных сил России передала министру земледелия свое заключение о недопустимости истощения природных ресурсов даже в затруднительные для страны времена [41. С. 22].

Комиссия Министерства земледелия по организации рыболовного хозяйства на заседании 9 августа наметила программу своей деятельности в области устройства рыболовного хозяйства, повышения его государственной доходности, организации земельной территории для нужд рыболовного хозяйства. Было решено уделить внимание в первую очередь вопросам, которые требовались для работы Учредительного собрания, а разработка рыбохозяйственной политики была отложена на потом. На заседании комиссии 19 августа обсуждался доклад В.К. Бражникова о рационализации рыболовного хозяйства. На заседании 24 августа И.Д. Кузнецов обратил внимание коллег на необходимость создания опытных рыбоводных учреждений с отдельным земельным обеспечением, для чего следовало учредить подкомиссию [33. Л. 7–9].

Временное правительство в сфере переселенческой политики продолжило аналогичную политику царской власти. В частности, на заседании Временного правительства 1 июля было внесено предложение об отпуске дополнительных финансовых средств на расходы Переселенческого управления по обводнению и обдоружению ранее заготовленного земельного фонда [16. С. 57–58].

Обсуждались перспективы колонизационной политики. Комиссия Министерства земледелия по вопросам переселения и колонизации на собрании 7 августа рассматривала необходимость создания проекта «плановой колонизации Зауралья», поземельного там устройства и разработки новых колонизационных правил. Для проведения подготовительных мероприятий были образованы подкомиссии. Член комиссии Л.К. Чермак предложил распространить переселение и колонизацию не только на Азиатскую Россию, но и на Кавказ и Юго-Восточную Россию. На заседании комиссии 22 августа в новом законе о переселении предлагалось закрепить его всеословность и свободу, гарантии государственной компенсации затрат переселенцев на освоение труднодоступных районов [33. Л. 5–6].

В период бурных военно-революционных потрясений природа зачастую приносится в жертву экстре-

мальным обстоятельствам. Очевидно, говоря языком современного американского историка и экофилософа Р. Нэша [42], что права природы нарушаются одними из первых. Не стала исключением и Россия, где в период кризиса и разрухи 1917 г. хищническому истощению подверглись многочисленные природные ресурсы. Очевидно, что точный объем потерь установить невозможно. Помимо объективного урона природе в целом был нанесен серьезный удар по экоменталитету россиян. Экстраординарные условия закрепили в восприятии и поведении потребительское отношение к природным ресурсам, что в последующие, относительно мирные и спокойные периоды было сложно преодолеть.

В годы политической нестабильности и хозяйственной разрухи проблемы экологии явно не были для власти первоочередными. Да и в программатике политических партий периода февраля–октября 1917 г. экологические аспекты занимали скромное место [43]. Социоприродные проблемы российской провинции явно перекрывались по значимости и актуальности проблемами продовольственного и иного обеспечения армии и тыла, организации военных действий на фронте, устройства беженцев, сдерживания крестьянского аграрного движения, подготовки выборов в Учредительное собрание и пр. Основной заботой Министерства земледелия была «общая неустанная и самоотверженная работа» по устранению «тяжких продовольственных затруднений» [44. С. 2].

При этом самым актуальным хозяйственным ресурсом для позднего аграрного общества оставалась земля. Власть понимала ее количественную ограниченность для многомиллионного крестьянства, поэтому настаивала на продолжении широкой и планомерной мелиорации больших массивов неудобных земель, начатой еще в поздний пореформенный период, тем самым пытаясь решить проблему малоземелья. Однако в условиях 1917 г. долгосрочные меры по рекультивации явно не удовлетворяли ожиданиям основной массы населения. На фоне самочинного решения земельного вопроса путем самозахватов, стихийного нормотворчества, отсутствия реального контроля над ситуацией на местах, «обезвластия власти», как выразился один современник, правительство не могло продуманно готовить аграрную реформу, а крестьяне не могли спокойно ее ждать.

В обсуждение и решение аграрного вопроса и тесно связанных с ним социоестественных проблем села включилось слишком много политических и общественных сил. Каждая из них не желала поступиться своими амбициями, отбросить в сторону политические счеты, социальные обиды и пр. При таком развитии событий невозможно было достичь единства. По словам П.Г. Маслова, делегата от Самарской губернии на II сессии ГЗК, все тогда «болели очень больно болезнью неорганизованности и несогласованности» [23. С. 126]. Можно привести массу примеров в подтверждение его слов: административная неорганизованность в центре и на местах (несогласованность действий министерств и ведомств, дублирование комиссий и отделов в Министерстве земледелия, ГЗК и ЛАР); законодательно-

нормотворческий коллапс; административные раздоры между Министерством земледелия и ГЗК и др. Последний, не обладая законодательными полномочиями, стремился к законотворческой деятельности и активному влиянию на характер принимаемых министерством решений. Совет ГЗК настаивал на представительстве членов ГЗК на заседаниях Временного правительства [26. С. 9]. Такое стремление ГЗК не разделялось Министерством земледелия, и поэтому между ними не наблюдалось единства действий.

Временное правительство не стремилось решить острейший земельный вопрос, перепоручая его Учредительному собранию. Оно связало себе руки, заявив о временном характере своей власти, стремлении поддержать правопорядок до созыва Учредительного собрания, установив себе мораторий на решение коренного вопроса революции – аграрного. Приоритетность решения именно этой проблемы в понимании общества была выше, чем у государства. Об этом свидетельствовали самочинные захваты земель и иных угодий в регионах. С острой критикой нерешительности Временного правительства в решении аграрного вопроса выступил 15 августа на Государственном совещании в Москве Л.Н. Капацкий, представитель сельскохозяйственных обществ. Он заявил, что с момента революции в России «не было министерства земледелия, а было и есть министерство политической подготовки страны к проведению аграрной реформы». Земельные комитеты вместо урегулирования земельных отношений «внесли море распри, беззакония и смуты». За начавшиеся захваты и разгромы в деревне, дезорганизацию села, превращение крестьянина-землепашца в экспроприатора он обвинял Временное правительство, которое не могло согласовать действия отдельных министерств, осуществить «планомерную работу» [45. С. 241, 243]. Экономист И.Х. Озеров вторил Л.Н. Капацкому: «Власть, только говорящая, – не есть власть. Надо уметь, когда нужно, опираться на силу, на меч...» В сфере промышленности и сельского хозяйства, по его словам, проводилась «политика экономического поражения». При этом вину за кризис он распределял между всеми – и властью, и обществом [45. С. 248–249].

Земельный вопрос по своей остроте и значимости явно доминировал над иными проблемами природопользования. Это не означало, что правительство не знало о них – оно пыталось их решать по степени приоритетности. В работе Временного правительства отмечалась инертность в смысле огромной площади страны, невозможности наладить оперативную коммуникацию с местными земельными комитетами. Не последнюю роль в торможении решения аграрного вопроса и обсуждения проблем природопользования играл культурно-образовательный разрыв политической элиты и большей части общества. Так, председатель Комиссии по подготовке земельной реформы на местах А.А. Кауфман в докладе на III сессии ГЗК отмечал необходимость создания адаптированной для народа версии рассылаемого на места вопросника – «Общего плана деятельности комитетов по подготовке земельной реформы», так как существовавшую редакцию он считал труднодоступной для понимания населения [24. С. 5].

Вместе с тем большой заслугой Временного правительства было стремление сохранить от уничтожения и упадка рационально организованные хозяйства, опытные поля и различные питомники. В этом оно встречало понимание и поддержку местных земельных комитетов и части крестьянства. Важное значение имело учреждение специального Сельскохозяйственного комитета. Благодаря этой мере продолжали развиваться сельскохозяйственное образование и наука, сохранилась преемственность в научном сопровождении сельского хозяйства, были сохранены опытные станции, продолжена работа по популяризации травосеяния.

Относительно лесопользования у власти не было единой и однозначной позиции. С одной стороны, правительство всячески сдерживало хищнические рубки лесов, готовило проект нового закона о лесах, с другой – было вынуждено в ущерб бережному лесопользованию обеспечивать топливом промышленность и армию. Попытки законодательного регулирования объемов рубки лесов по всей стране, создания Главного лесного комитета по аналогии с ГЗК не увенчались успехом. Заинтересованную активность и инициативу в регламентировании разумного лесопользования проявляли местные земельные комитеты. Они преследовали цель сохранить леса от уничтожения. Вообще проблемой лесов и Министерство земледелия, и ГЗК занялись вплотную лишь с конца лета, всячески откладывая ее обсуждение и решение. При этом у власти и общества нарастало общее стремление к установлению государственного контроля над лесным хозяйством страны.

Вопросы водопользования в целом осознавались властью, но их регулирование также откладывалось на потом, после подготовки основ аграрной реформы и в связи с ее осуществлением. Отмечалась целесообразность государственного контроля водопользования и водосбережения.

Действия власти по сохранению племенного скота и либерализации рыболовства были продиктованы острой продовольственной проблемой в тылу и армии. Отступление от ранее принятых законодательных ограничений периода и способов лова рыбы было сделано исключительно в интересах голодавшего населения, что было объяснимо: в условиях разрухи и бескормицы это было вынужденной и необходимой мерой. Даже жесткие запреты власти на лов рыбы вряд ли соблюдались бы в условиях всеобщего коллапса, поэтому Временное правительство закрывало глаза на «рыбную вакханалию».

Итак, даже в непростое время революции и Первой мировой войны, в условиях жесткой политической борьбы, всеобщей дезорганизации Временное правительство пыталось хоть как-то регулировать вопросы природопользования. Об этом свидетельствуют специально создававшиеся властью для их обсуждения многочисленные комиссии и подкомиссии Министерства земледелия и ГЗК. (Правда, создавались они медленно и полноценно не функционировали, ограничиваясь учредительными и эпизодическими совещаниями.) В целом в политике природопользования в аграрной сфере Временное правительство сохраняло преем-

ственность с аналогичной политикой царского режима в смысле взвешенного, эволюционного подхода к вопросам рационального ресурсопользования [46].

Одобренное Временным правительством обсуждение научных основ рационального природопользования в рамках Лиги аграрных реформ, а также инициированное с ее подачи исследование состояния сельского хозяйства в стране были важными интенциями для их политических преемников. В этом и состоит заслуга Временного правительства – в сохранении кадровой и организационной преемственности с дореволюционным периодом и подготовке научных основ для советской политики природопользования. Именно дореволюционные специалисты стояли у истоков советской сельскохозяйственной науки.

Некоторые наработки и предложения, в основном сформулированные учеными-экономистами и аграрниками ЛАР, не претворенные на практике Временным правительством, в последующем были осуществлены большевиками в разные периоды преобразования сельского хозяйства. Самое главное – они воплотили артикулируемое многими политическими и общественными силами общее пожелание о национализации лесов, вод и других ресурсов. Помимо этого, ими были приняты декреты о запрете бесконтрольной вырубке лесов, расширении мелиоративных и иных работ в РСФСР, развитии опытного дела в стране, расширении агрономического просвещения крестьян [47, 48].

Не оконченные Временным правительством мероприятия также были подхвачены и развиты в последующем советским правительством. Например, решения о введении сельскохозяйственных предметов в общеобразовательные учреждения осенью 1917 г. [49], открытие в Москве курсов инструкторов и десятников сельского строительства при Министерстве земледелия [50] были закреплены советскими декретами о расширении агрономического образования, создании сети сельскохозяйственных учебных заведений [51. С. 204–207]. Мероприятия по охране племенного скотоводства, закупке скота в Монголии, развитию крестьянского животноводства и птицеводства [39, 52, 53] также были продолжены большевиками [54, 55].

Возлагать ответственность за крах либеральной альтернативы решения аграрного вопроса, а вместе с ним и социоприродных проблем деревни, лишь на Временное правительство было бы неверным, так же как и оправдывать его за это. Несомненно, в таком историческом фиаско были задействованы все: и власть, и политические партии, и общество. Провал приближался и становился неизбежным ввиду действия внутренних и внешних процессов, встретившихся в одной точке в октябре 1917 г.

Представленные результаты исследования не претендуют на полноту и исчерпанность: весьма перспективным, на наш взгляд, является изучение региональных особенностей регулирования земельными комитетами проблем хозяйственного природопользования и ответных действий крестьян. Именно материалы микро- и мезоуровня позволяют конкретизировать высказанные нами тезисы и увидеть в изучаемом процессе нюансы, не заметные на общероссийском фоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малышева С.Ю. Российское Временное правительство 1917 года: отечественная историография : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2000. 584 с.
2. Хитрина Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 г. Н. Новгород : Нижегородский гуманитарный центр, 2001. 383 с.
3. Погорелый Д.Н. Земельные комитеты Тамбовской губернии, 1917–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002.
4. Диндаров А.И. Земельные комитеты Среднего Поволжья в 1917–1918 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002.
5. Артемов С.Н. Земельные комитеты на Юге России в 1917-первой половине 1918 года : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2008.
6. Пивоваров Н.Ю. Земельные комитеты в Сибири (апрель–декабрь 1917 г.) // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск : Сибпринт, 2014. С. 42–66.
7. Саблин В.А. Земельные органы в северной деревне в период аграрной революции 1917–1918 гг. // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2016. № 1. С. 18–24.
8. Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. Введение в социоестественную историю. М. : Московский лицей, 1996. 200 с.
9. Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 7–8.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1796. Оп. 1. Д. 117.
11. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года : в 4 т. М. : РОССПЭН, 2001–2004.
12. Вестник Временного правительства. 1917. № 7 (53). 12 марта.
13. Вестник Временного правительства. 1917. № 8 (54). 14 марта.
14. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года : в 4 т. / отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 1: Март–апрель 1917 года. 447 с.
15. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 622.
16. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года : в 4 т. / отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 3: Июль–август 1917 года. 416 с.
17. Вестник Временного правительства. 1917. № 141 (187). 27 августа.
18. Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 2–3.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 47. Д. 605.
20. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 69.
21. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 94.
22. Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 1.
23. Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 г. Петроград : Тип. Мин. земледелия, 1917. 151 с.
24. Кауфман А.А. О работах по подготовке земельной реформы на местах (доклад III сессии Главного земельного комитета). Петроград : Тип. Министерства земледелия, 1917. 16 с.
25. Вестник Временного правительства. 1917. № 104 (150). 14 июля.
26. Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 4–5.
27. Известия Главного земельного комитета. 1917. Вып. 6.
28. Труды комиссий по подготовке земельной реформы. Петроград : Типо-лит. акц. о-ва «Просвещение», 1918. Вып. V: Организация территории. 79 с.
29. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 42.
30. Основные вопросы аграрной реформы на II Всероссийском съезде Лиги аграрных реформ. М. : Универсальная б-ка, 1917. 47 с.
31. Природа крестьянского хозяйства и земельный режим. Труды III Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ. М. : Изд. Лиги аграрных реформ, 1918. 47 с.
32. Государственное совещание : стеногр. отчет / предисл. Я.А. Яковлева. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. 372 с.
33. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 592.
34. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 43.
35. ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 35.
36. Вестник Временного правительства. 1917. № 146 (192). 5 сентября.
37. Вестник Временного правительства. 1917. № 91 (137). 28 июня.
38. Вестник Временного правительства. 1917. № 96 (142). 5 июля.
39. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 519.
40. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 523.
41. Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России состоящей при Императорской Академии наук за 1916 г. Петроград : Тип. Имп. Академии наук, 1917. 52 с.
42. Нэш Р. Права природы: история экологической этики / пер. с англ. С. Колоса, В. Борейко. Киев : Киев. экол.-культур. центр, 2001. 178 с.
43. Цинцадзе Н.С. Экологические проблемы аграрной сферы в программах политических партий России в период февраля–октября 1917 г. // Человек и природа : материалы XXVII Междунар. междисциплинар. конф. «Проблемы социоестественных исследований» и Междунар. междисциплинар. молодежной школы «Стратегии экологической безопасности» / под ред. Н.О. Ковалевой, С.К. Костовска, А.С. Некрич, О.А. Салимгареевой. М. : МАКС-Пресс, 2017. С. 145–148.
44. Вестник Временного правительства. 1917. № 3 (49). 8 марта.
45. Государственное совещание : стеногр. отчет / предисл. Я.А. Яковлева. М.–Л. : Гос. изд-во, 1930. 372 с.
46. Цинцадзе Н.С. Социоприродные аспекты деятельности Министерства земледелия Российской империи в пореформенный период // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2017. № 46. С. 128–132.
47. Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Контент-анализ подходов советской власти к природно-экологическим проблемам 1917–1921 гг. // Социологические исследования. 2016. № 9 (389). С. 144–147.
48. Цинцадзе Н.С. Социоестественные проблемы позднего аграрного общества Европейской части РСФСР в восприятии партийно-политического руководства страны 1920–30-х гг. // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Сер. Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России / под ред. Н.О. Ковалевой, С.К. Костовска, Е.А. Борисовой. М. : МАКС Пресс. 2016. Вып. XL. С. 140–149.
49. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 95.
50. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 381.
51. Декреты Советской власти. М. : РОССПЭН, 2009. Т. 18: Август 1921 г. 671 с.
52. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 421.
53. ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 522.
54. Декреты Советской власти. М. : Политиздат, 1976. Т. 8: Апрель–май 1920 г. 444 с.
55. Декреты Советской власти. М. : Политиздат, 1975. Т. 7: 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. 676 с.

Tsintsadze Nina S. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia). E-mail: NinaTsintsadze2010@yandex.ru

PROVISIONAL GOVERNMENT AND ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF RUSSIAN PROVINCE IN 1917: ATTEMPTS TO SOLVE ON THE TRANSIT BETWEEN «TSARISM» AND «BOLSHEVISM»

Keywords: Environmental History; socio-natural problems; The Provisional Government; The Chief Land Committee; League of Agrarian Reforms.

The aim of the research is to study the Russian socio-natural problems during February–October 1917 in the perception of the Provisional Government, the Chief Land Committee of the Ministry of Agriculture and the Governmental League of Agrarian Reforms. The sources of the research were the documents of the Russian State Historical Archive (RGIA) and the State Archive of the Russian Federation (GARF) funds, the journals of the Provisional Government meetings, the materials of the official publications – “The Provisional Government Review” and “The Chief Land Committee News”, – and other published documents.

In the article for the first time the environmental aspects of the agrarian policy of the Provisional Government were considered: land use and land reclamation, forest use, water use, cattle and livestock development, fishery issues. Fragmentary presents issues of the resettlement and colonization policy. In the first place for the authority and society were land use problems. In preparing the fundamentals of agrarian reform, the Provisional Government relied on the expansion of the land area by reclamation of both exploited and uncomfortable for agriculture lands. The achievement of the Provisional Government was the desire to preserve rationally organized farms, experimental fields and various nurseries from destruction and decline. In the sphere of forest management, Provisional Government varied between the desire to provide the forestry material to the defense industry and the army and the need to protect forests from illegal felling. Water use issues were periodically discussed, but were not prioritized. The authorities’ actions to preserve breeding stock and liberalize fishing were dictated by an acute food problem in the rear and the army.

It is concluded that in the extreme period of military-revolutionary devastation and political instability, the problems of ecology were clearly not top priorities for the Provisional Government. Despite this, the authority understood the problem of depletion of the country’s natural and economic resources, and tried to minimize them. The importance of unrealized proposals and activities of the Provisional Government in the sphere of economic activity rationalization, which were subsequently continued by the Soviet government, is noted.

REFERENCES

1. Malysheva, S.Yu. (2000) *Rossiyskoe Vremennoe pravitel'stvo 1917 goda: otechestvennaya istoriografiya* [Russian Provisional Government of 1917: Russian historiography]. History Dr. Diss. Kazan.
2. Khitrina, N.E. (2001) *Agrarnaya politika Vremennogo pravitel'stva v 1917 g.* [Agrarian Policy of the Provisional Government in 1917]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy gumanitarnyy tsentr.
3. Pogorelyy, D.N. (2002) *Zemel'nye komitety Tambovskoy gubernii, 1917–1918 gg.* [Land committees of the Tambov province, 1917–1918]. History Cand. Diss. Tambov.
4. Dindarov, A.I. (2002) *Zemel'nye komitety Srednego Povolzh'ya v 1917–1918 gg.* [Land committees of the Middle Volga region in 1917–1918]. Abstract of History Cand. Diss. Kazan.
5. Artemov, S.N. (2008) *Zemel'nye komitety na Yuge Rossii v 1917-pervoy polovine 1918 goda* [Land committees in the South Russia in 1917 and the first half of 1918]. Abstract of History Dr. Diss. Pyatigorsk.
6. Pivovarov, N.Yu. (2014) *Zemel'nye komitety v Sibiri (aprel'-dekabr' 1917 g.)* [Land committees in Siberia (April–December 1917)]. In: Ilynych, V.A. (ed.) *Sibirskaya derevnya: problemy istorii* [Siberian Village: Problems of History]. Novosibirsk: Sibprint. pp. 42–66.
7. Sablin, V.A. (2016) Land authorities in a northern village during the agrarian revolution of 1917–1918. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*. 1. pp. 18–24. (In Russian).
8. Kulpin, E.S. (1996) *Bifurkatsiya Zapad-Vostok. Vvedenie v sotsioestestvennuyu istoriyu* [Bifurcation West-East. Introduction to the social history]. Moscow: Moskovskiy litsey.
9. *Izvestiya Glavnogo zemel'nogo komiteta*. (1917a). 7–8.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1796. List 1. File 117.
11. Dodonov, B.F. (ed.) (2001–2004a) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: mart-oktyabr' 1917 goda: v 4 t.* [Minutes of the Provisional Government: March–October, 1917: in 4 vols]. Moscow: ROSSPEN.
12. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917a). 12th March.
13. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917b). 14th March.
14. Dodonov, B.F. (ed.) (2001–2004b) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: mart-oktyabr' 1917 goda: v 4 t.* [Minutes of the Provisional Government: March–October, 1917: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 622.
16. Dodonov, B.F. (ed.) (2001–2004b) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: mart-oktyabr' 1917 goda: v 4 t.* [Minutes of the Provisional Government: March–October, 1917: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: ROSSPEN.
17. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917c) 27th August.
18. *Izvestiya Glavnogo zemel'nogo komiteta*. (1917b) 2–3.
19. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 381. List 47. File 605.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1796. List 1. File 69.
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 94.
22. *Izvestiya Glavnogo zemel'nogo komiteta*. (1917c) 1.
23. The Main Land Committee. (1917) *Trudy vtoroy sessii Glavnogo zemel'nogo komiteta. Zasedaniya 1-2 iyulya 1917 g.* [Proceedings of the second session of the Main Land Committee. Meetings July 1–2, 1917]. Petrograd: Tip. Min. zemledeliya.
24. Kaufman, A.A. (1917) *O rabotakh po podgotovke zemel'noy reformy na mestakh (doklad III sessii Glavnogo zemel'nogo komiteta)* [On the work on the preparation of land reform (report of the 3rd Session of the Main Land Committee)]. Petrograd: Tip. Ministerstva zemledeliya.
25. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917d) 14th July.
26. *Izvestiya Glavnogo zemel'nogo komiteta*. (1917d) 4–5.
27. *Izvestiya Glavnogo zemel'nogo komiteta*. (1917e) 6.
28. The Commissions for the Land Reform. (1918) *Trudy komissiy po podgotovke zemel'noy reform* [Proceedings of the Commissions for Land Reform]. Vol. 5. Petrograd: Prosveshchenie.
29. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1796. List 1. File 42.
30. Anon. (1917) *Osnovnye voprosy agrarnoy reformy na II Vserossiyskom s'ezde Ligi agrarnykh reform* [The main issues of agrarian reform at the II All-Russian Congress of the League of Agrarian Reforms]. Moscow: Universal'naya biblioteka.
31. Anon. (1918) *Priroda krest'yanskogo khozyaystva i zemel'nyy rezhim. Trudy III Vserossiyskogo s'ezda Ligi agrarnykh reform* [The nature of the farm and land regime. Proceedings of the III All-Russian Congress of the League of Agrarian Reforms]. Moscow: Izdanie Ligi agrarnykh reform.
32. Anon. (1930) *Gosudarstvennoe soveshchanie* [State meeting]. Moscow; Leningrad: Gos. iz-vo.
33. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 592.
34. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1796. List 1. File 43.
35. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1799. List 1. File 35.

36. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917e). 5th September.
37. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917f). 28th June.
38. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917g). 5th July.
39. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 519.
40. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 523.
41. Imperial Academy of Sciences. (1917) *Otchet o deyatelnosti Komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil Rossii sostoyashchey pri Imperatorskoy Akademii nauk za 1916 g.* [Report on the activities of the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia of the Imperial Academy of Sciences in 1916]. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.
42. Nash, R. (2001) *Prava prirody: Istoriya ekologicheskoy etiki* [The Rights of Nature: A History of Environmental Ethics]. Translated from English by S. Kolos, V. Boreyko. Kyiv: Kiev. ekol.-kul'tur. Tsentr.
43. Tsintsadze, N.S. (2017) *Ekologicheskie problemy agrarnoy sfery v programmakh politicheskikh partiy Rossii v period fevralya-oktyabrya 1917 g.* [Ecological problems of the agrarian sphere in the programs of Russian political parties during February – October 1917]. In: Kovaleva, N.O., Kostovska, S.K., Nekrich, A.S. & Salimgareeva, O.A. (eds) *Chelovek i priroda* [Human and Nature]. Moscow: MAKSPress. pp. 145–148.
44. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917h). 8th March.
45. Anon. (1930) *Gosudarstvennoe soveshchanie* [State meeting]. Moscow; Leningrad: Gos. iz-vo.
46. Tsintsadze, N.S. (2017) *Sotsioprirodnye aspekty deyatelnosti Ministerstva zemledeliya Rossiyskoy imperii v poreformenny period* [Socio-natural aspects of the activities of the Ministry of Agriculture of the Russian Empire in the post-reform period]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i komp'yuter*. 46. pp. 128–132.
47. Kanishchev, V.V. & Tsintsadze, N.S. (2016) Content analysis in studying social and environmental problems of Soviet society 1917–1921. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9(389). pp. 144–147. (In Russian).
48. Tsintsadze, N.S. (2016) *Sotsioestestvennye problemy pozdnego agrarnogo obshchestva Evropeyskoy chasti RSFSR v vospriyatii partiynopoliticheskogo rukovodstva strany 1920–30-kh gg* [Socio-natural problems of the late agrarian society of the European part of the RSFSR in the perception of the party-political leadership of the country in the 1920–1930s]. In: Kovaleva, N.O., Kostovska, S.K. & Borisova, E.A. (eds) *Priroda i obshchestvo: tekhnologii obespecheniya prodovol'svennoy i ekologicheskoy bezopasnosti* [Nature and society: technologies for food and environmental security]. Moscow: MAKSPress. pp. 140–149.
49. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 95.
50. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 381.
51. Anon. (2009) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Soviet Decrees]. Vol. 18. Moscow: ROSSPEN.
52. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 421.
53. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1797. List 1. File 522.
54. Anon. (1976) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Soviet Decrees]. Vol. 8. Moscow: Politizdat.
55. Anon. (1975) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Soviet Decrees]. Vol. 7. Moscow: Politizdat.